

DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-170-183

УДК 94 (57)

ИМПЕРСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ В ЛОКАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ПРИСОЕДИНЕНИИ СИБИРИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ¹

Чернышов Сергей Андреевич

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия
1502911@mail.ru

Аннотация. В статье в компаративистском ключе рассматриваются локальные коммеморативные практики о присоединении Сибири к Русскому государству. Для анализа были взяты материалы личного происхождения местных историков, краеведов, журналистов, педагогов, фольклорные материалы, материалы СМИ разных лет, краеведческие и учебные пособия трех регионов, имеющих различное отношение к описываемым процессам: Перми, где располагались основные Строгановские вотчины и откуда начался поход дружины Ермака; Тюмени и Тобольска, откуда началась «официальная» колонизация Сибири силами регулярного войска; Красноярска – точки отсчета для колонизации Восточной Сибири. На основании анализа локальных материалов делаются выводы о наличии в каждом из регионов имперских коммеморативных практик, характеризующих присоединение Сибири как цивилизационный акт, имеющий прогрессивное значение для аборигенов, и колонизаторов как благородных носителей государственной идеи, «самых лучших русских». Кроме имперского, в региональных дискурсах исторической памяти отмечаются отдельные специфические мотивы: особая роль Строгановых (Пермь), стратегия и тактика военных действий (Тюмень и Тобольск), Енисей как истинная цель «сибирского взятия» (Красноярск). В целом основой локальных практик коммеморации является лубочный патриотический романтизм, отсутствие преемственности локального от общеимперского и претензия на ключевое значение региона в национальной истории.

Ключевые слова: компаративистика, историческая память, присоединение Сибири, Пермь, Тюмень, Тобольск, Красноярск.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00150, <https://rscf.ru/project/22-78-00150/>.

IMPERIAL AND REGIONAL DISCOURSES IN LOCAL PRACTICES OF HISTORICAL MEMORY ON THE ACCESSION OF SIBERIA TO THE RUSSIAN STATE

Chernyshov Sergey A.

National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia
1502911@mail.ru

Abstract. In the article, in a comparative vein, local commemorative practices about the annexation of Siberia to the Russian state are considered. For the analysis, materials of personal origin of local historians, journalists, teachers, folklore materials, media materials of different years, local history and teaching aids of three regions that have a different relationship to the described processes were taken: Perm (where the main Stroganov estates were located and where the campaign of the squad began), Yermak, Tyumen and Tobolsk, from where the “official” colonization of Siberia by regular troops began, Krasnoyarsk – the starting points for the colonization of Eastern Siberia. Based on the analysis of local materials, conclusions are drawn about the presence in each of the regions of imperial commemorative practices that characterize the annexation of Siberia as a civilizational act, having progressive significance for the natives, and the colonizers – noble bearers of the state idea, “the best Russians”. In general, the basis of local practices of commemoration is popular patriotic romanticism, the lack of continuity between the local and the imperial and the claim to the key importance of the region in national history.

Keywords: comparative studies, historical memory, annexation of Siberia, Perm, Tyumen, Tobolsk, Krasnoyarsk.

Цитирование: Чернышов С.А. Имперские и региональные дискурсы в локальных практиках исторической памяти о присоединении Сибири к Русскому государству // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 1. С. 170–183. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-170-183 / Chernyshov S.A. Imperial and Regional Discourses in Local Practices of Historical Memory on the Accession of Siberia to the Russian State, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2023. No. 1. Pp. 170–183. DOI 10.18522/2500-3224-2023-1-170-183.

© Чернышов С.А., 2023

Осмысление присоединения Сибири к Русскому государству в локальных коммеморативных практиках началось почти сразу после окончания активной фазы событий: первые редакции текстов, которые затем станут известны как «Сибирские летописи», появляются уже в 1620-е гг. Этот процесс, переключившись на страницы краеведческих изданий, периодики и проблематизирующих локальные события академических изданий, продолжается вплоть до наших дней. Присоединение Сибири оказалось настолько многомерным явлением, что его осмысление стало актуальным для новых и новых поколений. Богатую почву для интерпретаций, кроме прочего, давал и дает дефицит источниковой базы — начиная с описания похода Ермака летописцы, дипломаты, краеведы и ученые пользуются подчас полулегендарными и слабо доказуемыми фактами и конструкциями [Чернышов, 2021].

Ретроспективная интерпретация присоединения Сибири с самого начала обладала известной дихотомией, сочетая в себе имперские и локальные дискурсы. Это свойство было заложено в самом контексте ситуации. С одной стороны, русские в Сибири — пришлое сообщество, которое в процессе локальной легитимизации неизбежно столкнулось с необходимостью использования «имперских» дискурсов, прежде всего цивилизаторских мотивов и мотивов «государственных помыслов» в отношении Ермака и иных героев. С другой стороны, начиная по меньшей мере с первых «народных преданий» о Ермаке, и тем более со второй половины XIX в., когда в сибирских городах формируется прослойка локальной интеллектуальной элиты, в Прикамье и Сибири формируется запрос на «приземление» героев и событий «сибирского взятия», обособления и выработки «сибирской идентичности», в том числе и искусственно — в контексте идеи разнообразия как способа осмысления большой и сложно устроенной страны [Урушадзе, 2019, с. 15]. В историографии эта дихотомия известна и в других интерпретациях: скажем, подвидом таковой является, по существу, известная дискуссия о соотношении «правительственного» и «вольнонародного» в колонизации Сибири [Ремнев, 2010, с. 54]. Поэтому Ермак в разных локальных практиках коммеморации — это и местный богатырь, и агент Строгановых, и самый рьяный государственный в Московском царстве.

Анализ локальных дискурсов исторической памяти о Сибири не является в настоящее время активно разрабатываемой среди историков темой. Тем более, открытым является поле для компаративистских дискуссий о локальных интерпретационных практиках о присоединении Сибири в разных регионах, выделения общих и специфических дискурсов, чему и посвящено данное исследование. Для анализа локальных дискурсов мы взяли три региона:

1. Прикамье (нынешний Пермский край), откуда разворачивалось «строгановское» освоение Сибири и откуда вышла дружина Ермака;
2. Тюмень и Тобольск, где протекал первоначальный этап «государственной» колонизации Сибири и откуда «за Камень» зашли первые отряды регулярного царского войска;
3. Красноярск — центр Енисейского края, точка отсчета для освоения Восточной Сибири (прежде всего за счет победы над енисейскими кыргызами, что открыло русским путь в Прибайкалье и другие восточные территории).

В основе материала для интерпретации локальных практик исторической памяти в обозначенных территориях лежит идентичный набор исторических фактов, которые имеют теоретически неограниченное количество вариантов реконструкции мифа. При этом понятия «миф», «идеологема» и иные аналогичные мы вслед за А. Ассман, К. Маннгеймом и другими авторами рассматриваем как синонимичные по отношению к «локальной памяти» и «коллективной памяти» [Ассман, 2014]. Локальную историческую память мы интерпретируем как социальную конструкцию, функциональную, имеющую субъектные характеристики и цель, находящуюся в процессе постоянной трансформации и эволюционирования.

Источниковой базой исследования стали официальная документация, материалы личного происхождения местных историков, краеведов, журналистов, педагогов, фольклорные материалы, материалы СМИ разных эпох, краеведческие работы и локальные учебные пособия указанных регионов – словом, весь пласт материала, фиксирующего локальные коммеморативные практики.

Такой подход при кажущейся широте имеет и свои ограничения – а именно, фиксация представлений довольно тонкого слоя локального сообщества (впрочем, иные методы не дают даже и такого результата). Так, нам неизвестны представления о присоединении Сибири известных «столичных» интеллектуалов, бывших в этих краях: об этом ничего не говорится в сочинениях протопопа Аввакума, Фонвизина, декабристов и других представителей столичных «элит» [Сибирь..., 2018]. Очевидно, не интересовалось локальной историей и большинство местного населения Сибири (как русского, так и инородческого), уровень образованности которого был низким «даже в тогдашнем значении этого слова»¹ [Загорский, 1912, с. 450].

Системное и публичное художественное или академическое осмысление проблемы присоединения Сибири в целом начинается относительно поздно – только в первой трети XIX в., что связано с деятельностью Г.И. Спасского (журналы «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник» [Анисимов, 2004, с. 32], первым изданием «Сибирской летописи» 1821 года [Спасский, 2009]), развитием краеведческой деятельности в целом [Исламова, 2014], а к концу XIX в. – с празднованием 300-летия присоединения Сибири к России. Но даже и эти слабые вспышки массового внимания к локальной истории быстро закончились. Уже в советский период на смену постколониальной повестке приходит продвижение идей индустриализации и советского строительства. Это четко видно, скажем, по планам краеведческих лекций местных отделов географического общества второй половины 1920-х гг. [ГАКК, ф. 1380, оп. 1. д. 45].

Тем не менее масштаб обсуждаемого события все равно делает эпизод присоединения Сибири важной частью локальных дискурсов, которые имеют как общие, так и специфические черты.

---

¹ Автор здесь говорит о периоде вплоть до середины XIX в.

ИМПЕРСКИЕ ДИСКУРСЫ: ЦИВИЛИЗАТОРСТВО И «ОСОБЫЙ ПУТЬ»

Единственным содержательным дискурсом, который объединяет все рассматриваемые нами локальные сообщества (Пермь, Тюмень/Тобольск, Красноярск), является «государственный подход» и «цивилизаторство» русских по отношению к аборигенному населению и территории в целом. Так, в Перми этот дискурс проявляется в интерпретации мотивов Ермака и его дружины через государственные интересы московского правительства. Типичный образ Ермака в осмыслении пермских краеведов — это былинный богатырь, который по поручению царя силой русского оружия расширяет границы державы, не считаясь с трудностями и смертельной опасностью:

«Расширив русские границы,
Зло бумерангом упредил,
Все силы отдал до крупницы
И живота не пощадил»

[Легендарный Ермак, 2016, с. 4].

Ермак для пермских авторов — народный герой, который однако остро чувствует государственные интересы («шли Кучума победить, чтоб Ивана укрепить» [Пинаев, 2002, с. 50], «вольное товарищество казаков первым утвердило историческое решение о присоединении Сибири к России» [Тупицын, 2009, с. 21] и т.д.).

В тюменских и тобольских источниках этот образ кристаллизуется еще очевиднее, что можно объяснить особым местом региона в историческом эпизоде покорения Сибири — отсюда началась не «казачья», а «официальная» колонизация Зауралья и появились первые русские города. В образе казаков «тюменского образца» почти отсутствуют «вольно-народные» характеристики, зато проявляется образ «государственников»:

«Коль смерть — то Отчизне во благо,
Коль жизнь — то подарок от Бога»

[Евсиков, 2019, с. 43].

Популярность Ермака как ключевого героя присоединения Сибири в исторической памяти местные краеведы так и объясняют: «потому что он совершил подвиг во имя Руси, присоединив к ней огромные территории Сибири, заложив потенциал к ее будущему процветанию» [Солодова, 2018, с. 13]. В отдельных дискурсах Ермак — продолжатель дела Дмитрия Донского и в целом — всех защитников России от монгольского угнетения, фактически герой, который поставил точку в этом угнетении [Кушнир, 2008]. Ермак и гибнет как былинный герой — до последнего думая о Родине [Крекни-на, 1994, с. 127]. Ему же мы обязаны и нынешним благополучием страны: «с Сибирью, подаренной Ермаком России, обрела страна наша нефтегазовые, золотоалмазные, лесорыбные и прочие преимущества перед всем миром» [Волков, 2019, с. 13].

А в отношении местных жителей Ермак (и пришедшая с ним в Сибирь Россия в целом) — символ позитивных перемен, освобождения от многовековой тирании. Вот характерный эпизод из изданного в Тюмени исторического романа «Ермак»:

«Ясак мы будем брать или мягкой рухлядью, или живностью, или хлебом, но не в ущерб хозяйству — как вам будет способнее. Согласен? — заключил Ермак. — Как не согласиться? Мурза с нами не так разговаривал, забирал без спроса все, что хочет» [Рихтер, 2010, с. 257].

Важно, что такой подход к проблемам аборигенов и их взаимоотношениям с русскими характерен не только в краеведческой, но и в академической среде. Так, в 2010 г. в «Тюменской правде» вышло интервью Н.К. Фролова, заведующего кафедрой общего языкознания ТюмГУ, где повторяется тот же мотив цивилизаторства: «всем народам на Русской земле Ермак обещал защиту, он добром и дипломатичностью завоевывал сердца людей. Проникая на восток к Тихому океану, русские первопроходцы совершенствовали культуру местного населения» [Стоял Ермак..., 2010, с. 13].

Очевидно, что этот дискурс имеет истоки в идеологизированном формационном подходе. Это особенно ярко проявляется в красноярских дискурсах, где явно отсутствует локальный материал для ретроспективного осмысления (основные события первоначального этапа происходили вдалеке от этих мест), что компенсируется умозрительными установками. Например, характерен сохранившийся в архивах тематико-экспозиционный план выставки «Присоединение Сибири к Русскому государству 15–17 вв.», экспонировавшейся в Красноярском краевом краеведческом музее зимой 1951–1952 гг. Среди тематик там присутствуют не только классические «образование русского централизованного государства», «строительство острогов», «плавание по Севморпути», но и «прогрессивная роль русского народа в Сибири в XVII–начале XVIII в.» с привычной историей про Ермака, «храбрых атаманов» и посольства в Москву. Тут же присутствовали и цитаты И.В. Сталина, например такие: «влияние многовековой передовой русской культуры ... оказало благотворное воздействие на хозяйство, быт и культуру народов Сибири и способствовали их прогрессивному развитию» [ГАКК, ф. 795, оп. 1, д. 64].

Эта идея перекочевала и в современные региональные учебники. Например, в УМК, подготовленном для красноярских учителей истории, о приходе русских в Приенисейский край говорится как о спасении аборигенного населения от гнета енисейских кыргызов и содействии в установлении мира [Региональная история, 2019, с. 29]. Русские в Сибири во всех локальных дискурсах — это благородные колонизаторы, способствующие мирному развитию местного населения.

Другое смысловое поле имперского дискурса, хотя и вывернутого наизнанку, — это идея об «особой природе» сибиряков. Сибиряки — это не только почти идеальные колонизаторы, они в ходе длительного локального проживания за Уралом становятся даже лучше, чем те русские, которые остались в Европейской части страны. Это «идеальные русские». «Здесь крестьянин великую имеет разницу [по сравнению с русским]: он говорит весьма чисто, основательно и учтиво; носят одеяние смотря по состоянию опрятное», — писал в 1833 г. И.В. Пестов в своих «Записках о Енисейской губернии» [Пестов, 1833, с. 288]. А пермский автор П.С. Ширинкин в начале 2000-х гг. по совершенно другому поводу употребляет словосочетание «кристаллизованная пассионарность» [Ширинкин, 2008, с. 256].

Дискурс «особых людей» лаконично вписывается и в советскую идеологизированную картину мира, и противостоит «загнивающему Западу» в 1990-е и 2000-е гг. Словом, он оказывается универсальным поводом для гордости: «Енисейская Сибирь принимала всех и всех щедро одаряла сибирским характером. Жаль, что ныне его гнут и ломают, пытаясь сделать из гордых труженников и мастеров пошлых торгашей и ростовщиков» [Щербаков, 2004, с. 120]. Единственная локация, где идеализировать сибиряков, а особенно первых колонизаторов Сибири, довольно сложно, – это Тобольск, поскольку здесь сохранилась память о реальном быте первых колонизаторов. Так, местный краевед М. Знаменский писал: «Стоя реальной ногой на этом реальном холме, невольно как-то смотрим на живших здесь некогда лиц как на живых людей, (...) для которых было бы чудом отрешиться от прежних своих свычаев и обычаев» [Знаменский, 1891, с. 20]. Другой местный автор, К. Голодников, в известном очерке «Тобольск и его окрестности» выражается еще более определенно: «Казачи и другие переселенцы (...) жили в противозаконной связи с дочерьми татар, калмыков, остяков и вогулов. Отправляясь в Москву для доставления ясака или по другим делам, сибирские казаки женились в России по нескольку раз» [Голодников, 1998, с. 39]. Однако такие «прагматичные» описания первых покорителей Сибири являются скорее исключением для локальных коммеморативных практик.

ЛОКАЛЬНЫЕ ДИСКУРСЫ: СТРОГАНОВЫ, ВОЙНА, ЕНИСЕЙ

Кроме общих (как показано, в основном имперских) дискурсов о присоединении Сибири в локальной исторической памяти, в отдельных регионах генерируются свои конструкты, отражающие местную специфику.

В Пермском крае ключевыми акторами присоединения Сибири и вообще восточной политики Русского государства представляются Строгановы. Это объяснимо, поскольку Пермь – регион, где в XVI–XVII вв. располагались их основные вотчины.

Значительные усилия для фиксации Строгановых в локальной исторической памяти сделал управляющий строгановскими имениями середины XIX в. Ф.А. Волегов. Для него Строгановы – одна из основных исторических фамилий России, которые освободили Василия Темного из татарского плена, покорили «Сибирское царство», давали пожертвования московскому правительству, помогли усмирять восстания казанских татар и уфимских башкирцев [ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 19]. В деле покорения Сибирского ханства Строгановы – выразители воли царя («Строгановы не смогли гнаться за разбойником без Государева повеления» [ГАПК, ф. 672, оп. 1, д. 11]), а также главные реализаторы государственной политики в Сибири.

В 1990-е гг. после некоторого забвения в советский период начинается реставрация образа Строгановых как покорителей Сибири. По Строгановым в регионе предлагается сделать спецкурс для школ и вузов [Мосунова, Полозкова, 1995, с. 28], их деятельность и сейчас в регионе сравнивают по значению чуть ли не с Петром Первым и освобождением от «татаро-монгольского ига» [Эйриян, 2006, с. 89].

Пермские дискурсы не рассматривают «сибирское взятие» как логичное продолжение освоения Пермского края (хотя с учетом цивилизаторского пафоса это было бы вполне ожидаемо): пермская история – отдельно, сибирская – отдельно. Так, знаменитая «Летопись города Перми», составленная пермским историком В.Н. Шишонко во второй половине XIX в., не содержит ни одного упоминания про Ермака или покорение Сибири [ГАПК, ф. 321, оп. 1, д. 53]. В труде другого местного историка В.С. Верховланцева в тот же период Сибирь упоминается единожды как конечная точка проходящего по Перми Сибирского тракта [Верхоланцев, 1913]. Учебник «пермистики» начала 1990-х гг. интерпретирует регион как замкнутое цивилизационное пространство, а его историю – как продолжение истории чуди и финно-угорских народов, упоминая вскользь про Строгановых и вообще не упоминая про Ермака и Сибирь [Баньковский, 1991].

В Тюменской области в силу уже упоминавшейся специфики региона как исторического форпоста русских сил в Сибири в локальной исторической памяти о присоединении Сибири уделяется много внимания военно-политическим аспектам событий, тактике сторон и отдельным характерным эпизодам. Так, в очерках М.С. Знаменского есть характерная история татарина – жителя Соусканских юрт, в родовых легендах которого Ермак – приближенный Кучума, который сбежал, набрал войско за пределами Сибири и победил своего бывшего сюзерена: «“Так в наших книгах написано”, – закончил он свой рассказ» [Знаменский, 1997, с. 29]. Есть и обратные истории: «Долго Ермак с Кучумом воевали, а под конец решили, что места в Сибири всем хватит. Была у них мирьба. Сидели они в лодочке оба пьяные. Хан Кучум выждал время да толкнул Ермака в Иртыш-реку» [Панишев, 2003, с. 229].

Тюменские и тобольские локальные дискурсы исторической памяти крайне ограничены в идеях за пределами имперских тезисов и сосредоточены либо на хитростях татар, либо на хитростях Ермака (флотилия из деревянных идолов как военная хитрость [Зинченко, 2002, с. 7], технологическое превосходство и блицкриг [Каркишко, 2019, с. 11] и т.д.) – словом, на тактических деталях первоначального периода присоединения Сибири, эпизода, напрямую касающегося локальной специфики.

Наконец, **в Красноярском крае** среди региональной специфики дискурсов локальной исторической памяти о присоединении Сибири можно выделить уже упоминавшееся в отношении Перми отсутствие преемственности: «классическое» присоединение Сибири (т.е. Западной Сибири) существует отдельно, а покорение Приенисейского края – отдельно. Однако Ермак иногда используется как образ, легитимизирующий продвижение русских на Енисее:

«Как приведенья, вдоль реки
Отабарились казаки
(...)»

Они поют про Ермака:
Его Сибирские походы –
Предмет любимый Козака»

[Енисейский альманах, 2008, с. 73].

Аналогичные параллели встречаются и в современной поэзии Красноярска: «Но уж потомки Ермака, // Чтоб возвеличить мать-Расею, // Рвались на новые брега // И вскоре вышли к Енисею» [Потапов, 2008, с. 20]. А в стихах Кирши Данилова 1886 г. Ермак и вовсе гибнет в Енисее [Сибирь, 2018, с. 43].

Однако для классического регионального дискурса локальной истории идея преемственности Ермаку не является определяющей. Так, в книге «Енисейская губерния», автором которой выступил первый руководитель губернии А.П. Степанов (издана в 1835 г.), раздел собственно «История» начинается с 1598 г. (гибели Ермака) и фразы «неутомимый, бесстрашный Ермак погиб» [Степанов, 2017, с. 242]. Современник Степанова И.В. Пестов упоминает Ермака и покорение Западной Сибири в двух абзацах, а затем резко переходит к учреждению Енисейской губернии в 1822 г., никак не обозначая преемственность процессов [Пестов, 1833, с. 6]. Наконец, к концу XIX в. в локальной историографии и краеведении эти две «истории» почти окончательно отрываются друг от друга: покорение Енисея уже А.И. Кытмановым рассматривается совершенно отдельно от «Ермакова взятия» [Кытманов, 2016]. А официальная «История Енисейской губернии» начала 2000-х гг. прямо рисует альтернативную западносибирской историю освоения Сибири «с Севера» [Потапов, 2008, с. 6].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный на материале трех существенно различающихся регионов (Пермь, Тюмень/Тобольск и Красноярск) анализ локальных дискурсов о присоединении Сибири к Русскому государству демонстрирует в целом идентичные идеи, встречающиеся в работах местных краеведов, историков, журналистов, общественных деятелей. Прежде всего это дискурсы колониального и имперского толка, связанные с цивилизационным значением «сибирского взятия» для аборигенов и территории в целом, несущие, кроме того, компенсаторную задачу легитимизации русского населения в Сибири. При этом описываемые дискурсы перерабатываются в локальных сообществах на местном материале, авторы, как правило, не поднимаются до обобщенного представления о «Сибири» как о единой территории с общей историей. За пределами колониальной, и имперской по сути, повестки (вполне сохранившейся до наших дней) каждый регион формирует в локальных дискурсах собственную историю «присоединения Сибири», основанную на лубочном романтизме, выхолощенных образах «общих» героев и представлениях о регионе как замкнутой социально-исторической системе, претендующей на ключевое значение в национальной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анисимов К.В. Поэтика литературы Сибири 10–30-х годов XIX столетия (особенности становления региональной литературной традиции). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 98 с.

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.

Баньковский Л.В. Пермистика. Пермь: [б.и.], 1991. 109 с.

Верхоланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь: Электро-типография Губернского земства, 1913. 255 с.

Волков Т. Ермак и пустота // *Вслух о главном*. 2019. 16 мая. С. 13.

Голодников К.М. Тобольск и его окрестности. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1887. 139 с.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1380. Оп. 1. Д. 45.

ГАКК. Ф. 795. Оп.1. Д. 64

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 321. Оп. 1. Д. 53.

ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 11.

ГАПК. Ф. 672. Оп. 1. Д. 19.

Евсиков В. Тюмень казачья. Тюмень: [б.и.], 2019. 200 с.

Енисейский альманах на 1828 год. Красноярск: Поликор, 2008. 112 с.

Загорский В. Из быта и нравов Сибири XVIII века // *Сибирский архив*. 1912. № 6. С. 449–464.

Зинченко Н.Н. Золотая баба и сибирский поход Ермака // «Мира не узнаешь, не зная края своего». *Материалы 6-х краеведческих чтений*. 22–25 апреля 2002 года. Нижневартовск: Нижневартовская типография, 2002. С. 4–9.

Знаменский М.С. Искер. Тобольск: Типография Тобольского губернского правления, 1891. 17 с.

Знаменский М.С. Исторические окрестности города Тобольска: Сочинения. Тюмень: СофтДизайн, 1997. 384 с.

Исламова Д. Развитие краеведения и музейного дела в Тобольской губернии во второй половине XIX–начале XX века. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 468 с.

Каркишко Г.Ф. Они были первыми: поэмы. Тюмень: Тюменский издательский дом, 2019. 80 с.

Крекнина Л.И. Тема Ермака в культурном сознании 20–30-х годов XIX века: Н.М. Карамзин, К.Ф. Рылеев, А.С. Хомяков // *Роль русского культурного пространства в становлении российской государственности в Сибири: Тезисы докладов и сообщений межрегион. научно-практической конференции*. 3–5 февраля 1994 г. Тюмень: [б.и.], 1994. С. 126–130.

Кушнир Г. Первый среди равных // *Град Тобольск*. 2008. № 8(24). С. 28–29.

Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 год. Красноярск: СФУ, 2016. 850 с.

Легендарный Ермак Тимофеевич. Краеведческое пособие. Кунгурский район: МБУК «Межпоселенческая центральная библиотека Кунгурского муниципального района, 2016. 28 с.

Мосунова Т.Г., Полозкова Ю.А. «Строгановы в судьбе России» как вариант элективного курса в историческом цикле школ и вузов // *История и культура провинциальных городов Пермского Прикамья. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Березники: [б.и.], 1995. С. 27–28.

- Панишев Е.А. Гибель Ермака в татарских и русских легендах // *Югра*. 2007. № 3. С. 228–230.
- Пестов И.В. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. Москва: Унив. тип, 1833. 298 с.
- Пинаев А. Старый посад. Пермь: [б.и.], 2002. 124 с.
- Потапов И.Ф. Енисейская губерния. История в документах и фотографиях. Красноярск: Офсет, 2008. 416 с.
- Региональная история: подходы к содержанию программы, метапредметные задачи: учебно-методическое пособие. Красноярск: КК ИПК и ППРО, 2019. 124 с.
- Ремнев А.В. «Сибирский народ»: колониальный и региональный контексты несостоявшегося интеллектуального проекта XIX века // *Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике: сборник научных статей*. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 46–55.
- Рихтер О.Б. Сказание о Ермаке: исторический роман в двух книгах. Тюмень: Мандр и Ка, 2010. 432 с.
- Сибирь: коллекция представлений. Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2018. 344 с.
- Солодова Т.И. В назидание потомству. 22 российских деятеля, памятных для Сибири. Тюмень: Истина, 2018. 464 с.
- Спасский Г.И. Летопись Сибирская. Репринтное издание 1821 г. СПб.: Альфарет, 2009. 104 с.
- Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск: РАСТР, 2017. 268 с.
- Стоял Ермак, объятый думой // *Тюменская правда*. 2010. № 167(18343). С. 13.
- Тупицын С. Ермак – легенда и реальность // *Мы – земляки*. 2009. № 3. С. 20–23.
- Урушадзе А.Т. Что такое Россия? Разнообразие как способ описания Российской империи // *Новое прошлое*. 2019. № 2. С. 8–18.
- Чернышов С.А. «Ермак – это сама Россия»: образы покорения Сибири как универсальные константы исторической памяти // *Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст.* Вып. 17. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 149–154.
- Ширинкин П.С. Строгановы на Урале как кристаллизация Русского пассионарного вектора // *Русский мир. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции «Русская культура в цивилизационном измерении»*. Пермь, 11 июня 2008 года. Пермь, 2008. С. 256–264.
- Щербаков А. Все перемелит Сибирская мельница // *Край большого будущего. История, действительность, перспектива. Материалы конференции*. Красноярск: Тип. купца Тарасова, 2004. С. 118–120.
- Эйриян Т.Г. Строгановы и Прикамье (заметки краеведа) // *Строгановское историческое собрание. Материалы конференции историков и краеведов Пермского края*. Пермь, 16 июня 2006 года. Пермь: Прикамский социальный институт, 2006. С. 88–95.

REFERENCES

Anisimov K.V. *Poetika literatury Sibiri 10–30-kh godov XIX-go stoletiya (osobennosti stanovleniya regional'noy literaturnoy traditsii)* [Poetics of Siberian literature in the 10–30s of the 19th century (features of the formation of a regional literary tradition)]. Tomsk: Publishing house TSU, 2004. 100 p. (in Russian).

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: NLO Publ., 2014. 328 p. (in Russian).

Bankovsky L. V. *Permistika* [Permistics]. Perm: [b.i.], 1991. 109 p. (in Russian).

Verkholantsev V.S. *Gorod Perm', yego proshloye i nastoyashcheye* [The city of Perm, its past and present]. Perm: Electro-printing publ. of the Provincial Zemstvo, 1913. 255 p. (in Russian).

Volkov T. Yermak i pustota [Ermak and the void], in *Vslukh o glavnom*. 2019. 16 maya. P. 13 (in Russian).

Golodnikov K. M. *Tobol'sk i yego okrestnosti* [Tobolsk and its environs]. Tobolsk: Tipografiya Tobol'skogo Gubernskogo Pravleniya, 1887. 139 p. (in Russian).

State Archive of the Krasnoyarsk region (GAKK). F. 1380. Inv. 1. D. 45.

GAKK. F. 795. Inv.1. D. 64.

State archive of the Perm region (GAPK). F. 321. Inv. 1. D. 53.

GAPR. F. 672. Inv. 1. D. 11.

GAPR. F. 672. Inv. 1. D. 19.

Evsikov V. *Tyumen' kazach'ya* [Cossack Tyumen]. Tyumen: [b.i.], 2019. 200 p. (in Russian).

Yeniseyskiy al'manakh na 1828 god. Krasnoyarsk: Polikor, 2008. 112 p. (in Russian).

Zagorsky V. Iz byta i pravov Sibiri XVIII veka [From the life and customs of Siberia in the 18th century], in *Sibirskiy arkhiv*. 1912. No. 6. Pp. 449–464 (in Russian).

Zinchenko N.N. Zolotaya baba i sibirskiy pokhod Yermaka [The Golden Woman and Yermak's Siberian Campaign], in *"Mira ne uznayesh', ne znaya kraya svoeyego". Materialy 6-kh krayevedcheskikh chteniy. 22–25 aprelya 2002 g.* ["You don't know the world without knowing your edge." Materials of 6 local history readings. 22–25 april 2002]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskaya tip., 2002. Pp. 4–9 (in Russian).

Znamensky M.S. *Isker* [Isker]. Tobolsk: Tipografiya Tobol'skogo Gubernskogo Pravleniya, 1891. 17 p. (in Russian).

Znamensky M.S. *Istoricheskiye okrestnosti goroda Tobol'ska* [Historical environs of the city of Tobolsk: Works]. Tyumen: SoftDesign, 1997. 384 p. (in Russian).

Islamova D. *Razvitiye krayevedeniya i muzeynogo dela v Tobol'skoy gubernii vo vtoroy polovine XIX–nachale XX veka* [Development of local history and museum business in the Tobolsk province in the second half of the 19th–early 20th century]. Tyumen: Tyumen State University, 2014. 468 p. (in Russian).

Karkishko G.F. *Oni byli pervymi: poemy* [They were the first: poems]. Tyumen: Tyumen Publishing House, 2019. 80 p. (in Russian).

- Kreknina L.I. Tema Yermaka v kul'turnom soznanii 20–30-kh godov 19th veka: N.M. Karamzin, K.F. Ryleev, A.S. Khomyakov [The theme of Yermak in the cultural consciousness of the 20–30s of the XIX century: N.M. Karamzin, K.F. Ryleev, A.S. Khomyakov], in *Rol' russkogo kul'turnogo prostranstva v stanovlenii rossiyskoy gosudarstvennosti v Sibiri: Tezisy dokladov i soobshcheniy mezhtregion. nauchno-prakticheskoy konferentsii. 3–5 fevralya 1994 g.* [The role of the Russian cultural space in the formation of Russian statehood in Siberia: Abstract of reports and reports of interregional. scientific and practical conference. 3–5 february 1994]. Tyumen: [b.i.], 1994, Pp. 126–130 (in Russian).
- Kushnir G. Pervyy sredi ravnnykh [First among equals], in *Grad Tobol'sk*. 2008. No. 8(24). Pp. 28–29 (in Russian).
- Kytmanov A.I. *Kratkaya letopis' Yeniseyskogo uyezda i Turukhanskogo kraya Yeniseyskoy gubernii, 1594–1893 god* [Brief chronicle of the Yenisei district and Turukhansk region of the Yenisei province, 1594–1893]. Krasnoyarsk: SFU, 2016. 850 p. (in Russian).
- Legendarnyy Yermak Timofeyevich. Krayevedcheskoye posobiye* [Legendary Ermak Timofeevich. Local history allowance]. Kungursky district: MБУK "Inter settlement Central Library of the Kungursky Municipal District", 2016. 28 p. (in Russian).
- Mosunova T.G., Polozkova Yu.A. "Stroganovy v sud'be Rossii" kak variant elektivnogo kursa v istoricheskom tsikle shkol i vuzov ["Stroganovs in the fate of Russia" as a variant of the elective course in the historical cycle of schools and universities], in *Istoriya i kul'tura provintsial'nykh gorodov Permskogo Prikam'ya. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [History and culture of provincial cities of the Perm Kama region. Materials of the All-Russian scientific-practical conference]. Berezniki: [b.i.], 1995, Pp. 27–28 (in Russian).
- Panishv E.A. Gibel' Yermaka v tatarskikh i russkikh legendakh [The death of Yermak in Tatar and Russian legends], in *Yugra*. 2007. No. 3. Pp. 228–230 (in Russian).
- Pestov I.V. *Zapiski ob Yeniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri* [Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia]. Moscow: Univ. type, 1833. 298 p. (in Russian).
- Pinaev A. *Staryy posad* [Stary Posad]. Perm: [b.i.], 2002. 124 p. (in Russian).
- Potapov I.F. *Yeniseyskaya guberniya. Istoriya v dokumentakh i fotografiyakh* [Yenisei province. History in documents and photographs]. Krasnoyarsk: Offset, 2008. 416 p. (in Russian).
- Regional'naya istoriya: podkhody k soderzhaniyu programmy, metapredmetnyye zadachi: uchebno-metodicheskoye posobiye* [Regional history: approaches to the content of the program, meta-subject tasks: teaching aid]. Krasnoyarsk: QC IPK and PPRO, 2019. 124 p. (in Russian).
- Remnev A.V. "Sibirskiy narod": kolonial'nyy i regional'nyy konteksty nesostoyavshegosya intellektual'nogo proyekta XIX veka ["Siberian people": colonial and regional contexts of the failed intellectual project of the 19th century], in *Aziatskaya Rossiya: migratsii, regiony i regionalizm v istoricheskoy dinamike: sbornik nauchnykh statey* [Asian Russia: migrations, regions and regionalism in historical dynamics: collection of scientific articles]. Irkutsk: Ottisk, 2010. Pp. 46–55 (in Russian).

Richter O.B. *Skazaniye o Yermake: istoricheskiy roman v dvukh knigakh* [The Tale of Yermak: A Historical Novel in Two Books]. Tyumen: Mandr i Ka, 2010. 432 p. (in Russian).

Sibir': kolleksiya predstavleniy [Siberia: a collection of views]. Krasnoyarsk: Publishing House "Class Plus", 2018. 344 p. (in Russian).

Solodova T.I. *V nazidaniye potomstvu. 22 rossiyskikh deyatelya, pamyatnykh dlya Sibiri* [For posterity. 22 Russian figures memorable for Siberia]. Tyumen: Iztina, 2018. 464 p. (in Russian).

Spassky G.I. *Letopis' Sibirskaya. Reprintnoye izdaniye 1821 g.* [Chronicle Siberian. Reprint edition of 1821]. St. Petersburg: Alfaret, 2009. 104 p. (in Russian).

Stepanov A.P. *Yeniseyskaya guberniya* [Yenisei province]. Krasnoyarsk: RASTR, 2017. 268 p. (in Russian).

Stoyal Yermak, ob"yatyy dumoy [Yermak stood in thought], in *Tyumenskaya Pravda*. 2010. No. 167(18343). P. 13 (in Russian).

Tupitsyn S. Yermak – legenda i real'nost' [Yermak – legend and reality], in *My – zemlyaki*. 2009. No. 3. Pp. 20–23 (in Russian).

Urushadze A.T. *Chto takoye Rossiya? Raznoobraziye kak sposob opisaniya Rossiyskoy imperii* [What is Russia? Diversity as a Way to Describe the Russian Empire], in *Novoye proshloye*. 2019. No. 2. Pp. 8–18 (in Russian).

Chernyshov S.A. "Yermak – eto sama Rossiya": obrazy pokoreniya Sibiri kak universal'nyye konstanty istoricheskoy pamyati ["Ermak is Russia itself": images of the conquest of Siberia as universal constants of historical memory], in *Voprosy istorii Sibiri: sb. nauch. st. Is. 17*. Omsk: OmGPU Press, 2021. Pp. 149–154 (in Russian).

Shirinkin P.S. Stroganovy na Urale kak kristallizatsiya Russkogo passionarnogo vektora [Stroganovs in the Urals as a crystallization of the Russian passionary vector], in *Russkiy mir. Sbornik materialov vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Russkaya kul'tura v tsivilizatsionnom izmerenii"*. Perm', 11 iyunya 2008 g. [Russian World. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference "Russian culture in the civilizational dimension". Perm, 11 June 2008]. Perm, 2008. Pp. 256–264 (in Russian).

Shcherbakov A. *Vse peremelit Sibirskaya mel'nitsa* [The Siberian mill will grind everything], in *Kray bol'shogo budushchego. Istoriya, deystvitel'nost', perspektiva. Materialy konferentsii* [Edge of the big future. History, reality, perspective]. Conference materials. Krasnoyarsk: Tip. kuptsa Tarasova, 2004. Pp. 118–120 (in Russian).

Eiriyan T.G. Stroganovy i Prikam'ye (zametki krayevedy) [The Stroganovs and the Kama region (notes of a local historian)], in *Stroganovskoye istoricheskoye sobraniye. Materialy konferentsii istorikov i krayevedov Permskogo kraya*. Perm', 16 iyunya 2006 g. [Stroganov Historical Collection. Materials of the conference of historians and local historians of the Perm region. Perm, 16 June 2006]. Perm: Kama Social Institute, 2006. Pp. 88–95 (in Russian).

Статья принята к публикации 08.02.2023